

*Марти –
моему любимому читателю,
для которого я пишу всегда*

Один из способов прозреть к повседневной красоте, это задаться вопросом: «Что, если бы я никогда не видел этого прежде? Что, если бы я знал, что никогда не увижу это вновь?»

Рейчел Карсон

Гроссбухи

После того как у папы случился удар, мы подождали пару месяцев, пока все успокоится, а потом продали семейное ранчо целиком одному скотоводу из Монтроуза по фамилии Хенсон, чье имя папа не расслышал. Я жила на Фараллонах¹, изучая верность местам обитания пепельных качурок, птиц, о которых большинство людей, вероятно, не слышали и, возможно, никогда не услышат. Внезапный разлив нефти или любая другая катастрофа на Центральном побережье Калифорнии могут стереть с лица земли весь вид. Это была настоящая исследовательская работа, мечта каждого орнитолога. Но я люблю своего папу, а потому все бросила и вернулась домой. Тогда я единственный раз порадовалась,

¹ Фараллоновы острова — небольшой скалистый архипелаг, который омывает Фараллонов залив у побережья Калифорнии (США), недалеко от Сан-Франциско. Национальный резерват дикой природы.

Клэр Бойлз

что папа потерял дар речи, потому что мне совсем не улыбалось выслушивать, как сильно ему хотелось, чтобы я интересовалась чертовыми ко-
ровами, а не чертовыми птицами.

Папа не хотел, чтобы наша земля была разделена на участки для продажи и посеянное на нем стало последним урожаем, а потому предложил Хенсону хорошую скидку. Мы заключили сделку в конце сентября. Хенсон подписал бумаги кожистыми и обветренными руками ранчера, такие же были у папы. Хенсон — мой ровесник, старше, может быть, на несколько лет, разведен, маленькая дочь, и я отношусь к нему с явным недоверием. Как может кто-то в свои тридцать остаться после рецессии с деньгами, на которые можно купить четверть участка на реке у самых границ Ганнисона¹, еще и с правами на воду?

Удар лишил папу многих вещей, по которым я тоже скучаю, нечто более ценное, чем его способность пасти скот, — например, он утратил глаголы, а вместе с ними и все, что напоминает предложения. Из-за инсульта исчезли также подвижность всей его правой стороны и все наши сбережения, ушедшие на счета за лечение, хотя

¹ Ганнисон — административный центр округа и самый густонаселенный муниципалитет в округе Ганнисон, Колорадо, США.

последняя проблема прекрасно разрешилась с продажей ранчо. Хуже всего то, что он не может произнести мое имя, Нора. Вместо этого папа зовет меня Верой. Я перестала утруждать себя тем, чтобы его поправлять. Моя мать Вера умерла в луже собственной крови в день, когда я родилась, ожидая «Скорой помощи», которая свернула на дорогу 68 вместо дороги 68 1/2.

Папа не путает, как вы могли бы подумать. Он знает разницу между покойной женой и живой дочерью. В течение первого месяца или около того он вздрагивал каждый раз, когда произносил свое «Вера», грустно качал головой и смотрел вниз на свою обувь — кроссовки «Нью Бэланс» с терапевтическими эластичными шнурками, а не ботинки, которые он носил всю свою жизнь. Бейсболка заменила привычную ковбойскую шляпу стетсон¹. Он стал почти неузнаваем. Моя подруга Джули — его логопед, и она говорит мне, что он все еще думает «Нора», когда смотрит на меня, просто нужный сигнал теряется в афазическом тумане, который поселился где-то между мозгом папы и его языком. Когда он «думает-Нора-но-говорит-Вера», это звучит как

¹ Стетсон — шляпа с высокой тульей и очень широкими полями, традиционно носимая ковбоями и владельцами ранчо в США, названная в честь Джона Б. Стетсона (1830–1906), американского производителя шляп.

Клэр Бойлз

«В-в-в-в-е-ера». Он застревает на первом звуке «в», который, согласно схеме артикуляции, которую Джули повесила на наш холодильник, является губно-зубным фрикativом.

— Звучит как-то грязно, — говорю я папе. — Губно-зубной.

Я перемещаю магниты так, чтобы видеть всю диаграмму согласных — назальных и альвеолярных, звонких и глухих.

Папа смеется, и мое сердце слегка трепещет; я воспринимаю это как доказательство того, что оно не разбито полностью. Когда папа смеется, мне кажется, что мы ведем беседу, совсем непохожую на монологи Норы, гораздо менее изящные, чем истории, которые рассказывал папа. Для папы нет никакого реального прогноза, нет четкого количества месяцев его жизни, нет процента самостоятельности, которую ему удастся восстановить. Папа кажется одновременно хрупким и прочным, как яйцо. Каждое утро, когда я завязываю ему шнурки, я думаю: *«Возможно, это последний раз, когда я завязываю ему шнурки.»* — А также задаюсь вопросом: — *Сколько еще раз мне доведется завязывать ему шнурки?»*

Я видела Хенсона ровно пять раз с тех пор, как он купил папино ранчо. Я это знаю, потому что специально для него завела страничку в своем гроссбухе. Я много чего записываю в своем

гроссбухе: как часто я переворачивала компост, различные наблюдения за пушистыми дятлами, тот факт, что прошлой весной во всем мире осталось лишь около пяти тысяч гуннисонских шалфейных тетеревов. Эту привычку я переняла у папы, точно так же, как научилась у него разбираться в цифрах и любить печенье «Орео».

Тридцатого октября мы с Хенсоном поздоровались в супермаркете «Сейфуэй». Вместо большой тележки он толкал перед собой маленькую, двухэтажную, и покупал кукурузные хлопья, ванильное мороженое и другие простые, понятные продукты. В канун Рождества он появился в церкви в первый и последний раз. Я могла бы поклясться, что видела, как огоньки свечей отражались от слез на его щеках, когда мы все пели «Тихую ночь», но это неточно. К тому времени как дьяконы снова включили свет в алтаре, Хенсон уже исчез. В канун Нового года он участвовал в общей процессии — гарцевал верхом на лошади, его седло было украшено крошечными белыми мерцающими огоньками, и он приподнял шляпу и улыбнулся мне, когда проезжал мимо.

Два других раза, когда я видела Хенсона, он меня не заметил. Я наблюдала за птицами, хорошо скрытая ивами и кустарником, молчаливая, терпеливая, на примыкающей к западной стороне нашего старого ранчо общественной земле,

Клэр Бойлз

находящейся в ведении Федерального бюро по управлению землями. Двадцать четвертого марта я видела, как Хенсон режет проволоку на заборе, отделяющем наше ранчо от земли БУЗ. Первого апреля, в День дурака, он сделал это снова примерно в ста ярдах от линии забора. У меня есть фотографии. Я съездила в город и проверила, не взяты ли тамошние пастбища в аренду, но имени Хенсона нигде не было. Земля БУЗ принадлежит всем одновременно и никому конкретно, и выпасать там скот без уплаты пошлин то же самое, что воровать корма. Хуже того, он будет прогонять скот через папин и мой тайный лек¹, где обитает ганнисонский шалфейный тетерев, прямо посреди сезона размножения, что так же плохо для этих птиц, как строительство домов.

Ганнисонские тетерева так же сильно повлияли на мое становление, как и мой папа. В 2000 году они стали первым новым видом птиц, официально признанным в Соединенных Штатах за более чем сто лет. Мне тогда было двенадцать. О них говорил весь город. Они были частью нашей местности. Частью нашего характера. Что-то в этом роде.

¹ Лек — участок земли, используемый в период размножения самцами некоторых птиц и млекопитающих, особенно тетеревов.

К этому времени я уже выполняла наравне с папой все хозяйственные работы на ранчо, каждый день закаляла свою храбрость, загоняя скот, испытывала свою силу, натягивая проволоку на заборы, проверяла свою выносливость, работая каждый световой час в сутках. По улыбке в глазах папы я понимала, что он мной гордится, и именно так я научилась гордиться собой. В моей памяти постоянно звучит голос папы, он неизменно говорит со мной, потому что всегда это делал:

Хорошая работа, Нора.

Давай продолжай, Нора.

Вот так, девочка, молодец.

Пока мы работали, папа рассказывал истории о своей жизни на ранчо. Про то, как бабушка высасывала яд из змеиного укуса, а дед принимал ванны на Ваунитских горячих источниках. Вспоминал сливочную сладость домашнего мороженого моей матери. Меня утешало, что когда-то у нас с папой были другие родственники. Эти истории позволяли мне винить только время и невезение в исчезновении членов семьи — перестать беспокоиться, что мы одни, потому что с нами что-то не так.

Шалфейные тетерева все это время жили на ранчо, папа просто не знал, да и никто из нас не